

Артур Конан Дойл

Черный Питер

*Часть сборника
Самые знаменитые
расследования Шерлока
Холмса*

Артур Конан Дойл

Черный Питер

«ЭКСМО»

1904

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Дойл А.

Черный Питер / А. Дойл — «Эксмо», 1904

«Мне не приходилось видеть моего друга в более прекрасной форме и умственно и физически, чем в 1895 году. Его растущая слава принесла с собой необъятную практику, и я был бы повинен в непростительной несдержанности, если бы даже слегка намекнул, кем были некоторые именитые клиенты, переступавшие скромный порог нашей квартиры на Бейкер-стрит. Впрочем, Холмс, как все великие художники, жил только ради своего искусства, и, за исключением герцога Холдернесского, мне редко доводилось видеть, чтобы он запрашивал сколько-нибудь значительное вознаграждение за свои неоценимые услуги. Он был настолько не от мира сего – или настолько привередлив, – что часто отказывал богатым и влиятельным людям, если их проблемы его не привлекали, но неделями отдавал себя всего делу какого-нибудь скромного клиента, если это дело отличали необычные и интригующие особенности, которые воспламеняли его воображение и были вызовом его проницательности...»

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Дойл А., 1904
© Эксмо, 1904

Артур Конан Дойл Черный Питер

Мне не приходилось видеть моего друга в более прекрасной форме и умственно и физически, чем в 1895 году. Его растущая слава принесла с собой необъятную практику, и я был бы повинен в непростительной несдержанности, если бы даже слегка намекнул, кем были некоторые именитые клиенты, переступавшие скромный порог нашей квартиры на Бейкер-стрит. Впрочем, Холмс, как все великие художники, жил только ради своего искусства, и, за исключением герцога Холдернесского, мне редко доводилось видеть, чтобы он запрашивал сколько-нибудь значительное вознаграждение за свои неоценимые услуги. Он был настолько не от мира сего – или настолько привередлив, – что часто отказывал богатым и влиятельным людям, если их проблемы его не привлекали, но неделями отдавал себя всего делу какого-нибудь скромного клиента, если это дело отличали необычные и интригующие особенности, которые воспламеняли его воображение и были вызовом его проницательности.

В этом достопамятном девяносто пятом одно странное и необъяснимое дело сменяло другое, начиная от знаменитого расследования внезапной смерти кардинала Тоски – расследования, которое он провел по прямому желанию его святейшества Папы, – и кончая арестом Уилсона, дурнопрославленного фальшивомонетчика, арестом, избавившим лондонский Ист-Энд от рассадника всяческой заразы. Потом, почти сразу же после этих знаменитых дел, последовала трагедия в «Вудсомменс Ли» при крайне темных обстоятельствах смерти капитана Питера Кэри. Никакой отчет о деяниях мистера Шерлока Холмса не будет полным без рассказа об этом крайне необычном деле.

В первую неделю июля мой друг исчезал из нашей квартиры так часто и настолько долго, что мне стало ясно: он ведет какое-то расследование. Тот факт, что в течение этой недели к нам заглядывали личности довольно непотребного вида и спрашивали капитана Бэзила, позволил мне заключить, что Холмс прибегнул в этом деле к одной из своих многочисленных масок, пряча под вымышленным именем свою грозную личность. У него имелось минимум пять маленьких приютов в разных частях Лондона, где он мог преобразиться для избранной роли. Мне он ни словом не обмолвился о том, чем занимается. А у меня не было привычки навязываться с расспросами. Первый намек на суть расследования, который я получил от него, был поистине неожиданным. Он ушел до завтрака, и я как раз сел за стол, когда он вошел в комнату, не сняв шляпы и держа под мышкой, будто зонтик, длинную пикку с зазубренным наконечником.

– Господи помилуй, Холмс, – вскричал я, – неужто вы разгуливали по Лондону с этой штуковиной?

– Я только съездил к мяснику и назад.

– К мяснику?!

– И вернулся с прекрасным аппетитом. Нет никаких сомнений, мой дорогой Ватсон, в пользе разминки перед завтраком. Но, готов побиться об заклад, вы ни за что не отгадаете, какой была эта разминка.

– И пробовать не стану.

Со смешком он налил себе кофе.

– Загляни вы в подсобное помещение лавки Аллардайса, то увидели бы свиную тушу, подвешенную к потолку на крюке, и джентльмена без сюртука, яростно поражающего ее вот этим оружием. Энергичным субъектом был я, и я убедился, что и напрягая все силы, не могу пронзить свинью с одного удара. А вы не хотели бы попробовать?

– Ни за какие коврижки! Но вы-то почему занялись этим?

– Потому что мне казалось, что это имеет косвенное отношение к тайне «Вудменс Ли»... А, Хопкинс! Я получил вчера вечером вашу телеграмму и ждал вас. Входите и присоединяйтесь к нам.

Нашим гостем был энергичного вида человек тридцати лет в скромном костюме из твида, но с выправкой, указывавшей на привычку носить мундир. Я тотчас узнал Стэнли Хопкинса, молодого полицейского инспектора, на чье будущее Холмс возлагал большие надежды, а тот, в свою очередь, питал восхищение и уважение к научным методам знаменитого частного детектива. Хопкинс хмурился и уныло поник, опустившись на стул.

– Нет, благодарю вас, сэр, я уже позавтракал. Я переночевал в городе после моего вчерашнего рапорта.

– И о чем же вы рапортовали?

– О неудаче, сэр, абсолютной неудаче.

– Вы насколько не продвинулись?

– Ни на шаг.

– Боже мой! Надо бы порыться в этом деле.

– Вот если бы, мистер Холмс! Первый мой большой шанс, а я в полнейшем тупике. Бога ради, помогите мне.

– Ну-ну, волей случая, я уже прочел про все известные факты, включая отчет о следствии, – и довольно внимательно. Кстати, как вы толкуете кисет, найденный на месте преступления? Он вам ничего не подсказал?

Лицо Хопкинса отразило удивление.

– Кисет его собственный, сэр. Внутри его инициалы. И сшит из тюленьей кожи. А он – старый промысловик.

– Но у него не было трубки.

– Верно, сэр, трубки мы действительно не нашли, да и курил он очень мало, но ведь он мог иметь при себе табак для друзей.

– Конечно. Упомянул я про кисет потому лишь, что ведаю это дело я, то, думается, выбрал бы его как исходную точку моих розысков. Однако мой друг доктор Ватсон ничего про все это не знает, да и мне не помешает послушать еще раз, как развивались события. Коротенько изложите нам все существенные факты.

Стэнли Хопкинс извлек из кармана листок бумаги.

– У меня тут записаны кое-какие сведения, которые дадут вам достаточное представление о жизни покойного капитана Питера Кэри. Родился в сорок пятом, то есть ему было пятьдесят. На редкость смелый и преуспевающий охотник на тюленей и китов. В тысяча восемьсот восемьдесят третьем он командовал паровым промысловым судном «Морской единорог» с портом приписки Данди. Он тогда совершил подряд несколько очень успешных плаваний, а в восемьдесят четвертом ушел на покой. Несколько лет путешествовал, а под конец купил небольшую усадьбу под названием «Вудсменс Ли» вблизи Форест-Роу в Сассексе. Там он прожил шесть лет, и там он умер ровно неделю назад.

Его отличали некоторые странности характера. В обычной жизни он был суровым пуританином, молчаливым и угрюмым. С ним жили жена и двадцатилетняя дочь, и он держал двух служанок. Последние постоянно менялись, поскольку место вообще было не из приятных, а иногда становилось невыносимым. Он страдал запоями и в эти дни превращался в сущего дьявола. Известно, что за полночь он выгонял жену и дочь из дома и плеткой гонял их по парку, пока всю деревню за воротами не будили их вопли и стоны.

Один раз он попал под суд за свирепое нападение на приходского священника, который пришел увещевать его. Короче говоря, мистер Холмс, вам пришлось бы долго искать, прежде чем вы нашли бы человека опаснее Питера Кэри, и я узнал, что он пользовался такой же репутацией и когда ходил в плавания. Он был известен под прозвищем Черный Питер и получил

его не только за смуглость и цвет бороды, но и за вспышки бешенства, наводившие ужас на всех, кто с ним соприкасался. Незачем упоминать, что все соседи питали к нему отвращение и избегали его, как могли, и что я не услышал ни единого слова сочувствия по поводу его страшного конца.

Вы, конечно, прочли в отчете о следствии про его «каюту», мистер Холмс, но, возможно, ваш друг про нее не знает. Он построил деревянную сараюшку, которую всегда называл только «каютой», в нескольких сотнях ярдов от дома, и спал там каждую ночь. Маленькое строение с одним помещением, площадью шестнадцать футов на десять. Ключ он носил в кармане, сам стелил себе постель, производил уборку и никому не разрешал входить туда. В двух противоположных стенах было по маленькому окошку, всегда занавешенному и никогда не открывавшемуся. Когда окошко, обращенное в сторону проезжей дороги, светилось по ночам, люди указывали на него друг другу и гадали, чем Черный Питер там занимается. Именно это окошко, мистер Холмс, и обеспечило нас одной из немногих конкретных улик, которые обнаружило следствие.

Вы помните, что каменщик по фамилии Слейтер, возвращаясь из Форест-Роу примерно в час ночи за двое суток до убийства, проходя мимо ограды, остановился и посмотрел на квадрат света, все еще сияющего за деревьями. Он клянется, что на занавеске четко виднелась тень мужской головы, повернутой в профиль, и что тень эта никак не могла принадлежать Питеру Кэри, которого он хорошо знал. Она принадлежала бородатому мужчине, но борода была короче, чем у капитана, и торчала вперед. Так он утверждает, но перед тем он два часа провел в кабаке, да и от дороги до окна расстояние порядочное. Кроме того, говорил он про понедельник, преступление же произошло в среду.

Во вторник Питер Кэри, пьяный вдребезги, пребывал в самом черном из своих настроений и был свиреп и опасен, как дикий зверь. Он бродил по дому, и, услышав его шаги, жена с дочерью прятались. Поздно вечером он отправился в свою лачужку. Около двух часов ночи его дочь, которая спала с открытым окном, услышала жуткий крик в той стороне, но в его привычках было вопить и орать, когда он напивался, и она не придала этому никакого значения. Одна из служанок, вставшая в семь утра, заметила, что дверь лачужки открыта, но страх, который Питер Кэри внушал, был столь велик, что только в полдень они осмелились пойти посмотреть, не случилось ли с ним чего. Заглянув в открытую дверь, они увидели такое, что, побелев от ужаса, стремглав бросились в деревню. Час спустя я был уже на месте и повел расследование.

Ну, как вы знаете, мистер Холмс, нервы у меня достаточно крепкие, но даю вам слово, что я испытал сильнейшее потрясение, когда заглянул в эту лачужку. Она гудела, как фисгармония, от падальных мух, а пол и стены были как в скотобойне. Он называл лачужку «каютой», и она действительно выглядела так, будто и правда находилась на корабле. Койка у одной стены, матросский сундук, карты и планы, рисунок «Морского единорога», вахтенные журналы на полке – ну, словом, все совершенно так, как в капитанской каюте. И на самой середине был он сам – лицо искажено, как у проклятой души в адских муках, а борода, длинная с проседью, торчит вверх. Такой была его агония. А в его широкую грудь вогнан стальной гарпун, погрузившийся так глубоко, что вонзился в деревянную стену у него за спиной. Он был пришпилен к ней, будто жук к картонке. Разумеется, он был мертв с той секунды, когда испустил этот последний агонизирующий вопль.

Я изучил ваши методы, сэр, и использовал их. Прежде чем я разрешил что-либо там трогать, я тщательнейшим образом осмотрел все снаружи, а также и пол в комнате. Отпечатков чьих-либо следов не оказалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.